

Социально-экономическое положение России в зеркале научной периодики

В.Е. Маневич

д.э.н., зав. лабораторией ИПР РАН

Бизнес и банки. – 2007. - № 4.

Производство и использование валового внутреннего продукта

После кризиса 1998 года валовой внутренний продукт России рос достаточно высокими и устойчивыми темпами. Если в период 1991-1998 годов наблюдался почти непрерывный спад производства и сокращение ВВП, то с 1999 года продолжается устойчивый рост экономики. Приведем соответствующие цифры (см. Табл. 1).

Таблица 1. Динамика валового внутреннего продукта

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006*
В % к предыдущему году	106,4	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	106,5
В % к 1998 году	106,4	117,0	123,0	128,8	138,1	148,0	157,5	167,7

* Первое полугодие 2006 года. Предварительные оценки темпов роста валового внутреннего продукта в 2006 году приблизительно совпадают с темпами роста ВВП за первое полугодие.

В целом, ВВП вырос за период 1999-2006 год почти на 70% по сравнению с уровнем 1998 года, и составил приблизительно 95% от уровня 1990 года. В 2007 году производство ВВП должно выйти на уровень 1990 года.

Однако нужно иметь в виду, что сам по себе рост ВВП еще не означает восстановления уровня производства и потребления, и, следовательно, достигнутого к 1990 году уровня жизни.

Во-первых, резко возросла дифференциация доходов по сравнению с 1990 годом. Если до начала реформ разрыв в среднем уровне доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных граждан составлял 8 раз, что соответствовало уровню дифференциации доходов в развитых странах: (6-8 раз), то в настоящее время разрыв в уровне доходов достигает 17 раз.

Во-вторых, изменилось «товарное наполнение» ВВП. В составе конечного спроса резко возрос удельный вес экспорта сырьевых товаров и импорта потребительских и инвестиционных товаров. Соответственно, сократилось внутреннее производство и промежуточный спрос – внутреннее потребление сырья, материалов, топлива и т.д. Одинаковый объем валового внутреннего продукта может достигаться при качественно и количественно различном уровне производства.

В-третьих, существенно изменилась структура использования ВВП. В 1980-х годах валовой внутренний доход практически полностью использовался на конечное потребление и накопление основного и оборотного капитала. В настоящее время значительную часть ВВП представляет собой «чистый экспорт» (перевес экспорта над импортом), которому соответствует передача сбережений внешнему миру, либо в форме вывоза капитала, либо в форме накопления централизованных валютных резервов. «Чистый экспорт» представляет собой вычет из потенциального фонда потребления и накопления. Высокий удельный вес чистого экспорта (и соответствующий ему вывоз капитала) замедляет возможные темпы роста и повышения уровня жизни. Приведем соответствующие цифры, характеризующие использование валового внутреннего продукта.

Таблица 2. Структура использования валового внутреннего продукта (%)

	1989	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006*
ВВП	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Конечное потребление	68,9	68,0	61,3	65,5	69,0	68,0	66,3	65,2	68,1
Валовое накопление	31,1	15,0	18,6	21,9	20,1	20,7	21,2	21,1	16,2
Чистый экспорт	-	17,0	20,1	12,6	10,9	11,3	12,5	13,7	15,7

* Первое полугодие 2006 года. Нужно иметь в виду, что в первом полугодии удельный вес потребления обычно выше, чем за год в целом. Соответственно, удельный вес накопления в первом полугодии, как правило, оказывается меньше, чем в целом за год. Напротив, доля чистого экспорта остается примерно стабильной в течение года.

Российские власти полагают, что огромный перевес экспорта над импортом является благоприятным фактором роста. Они не замечают, что массивный чистый экспорт, составляющий в разные годы 12-20% валового внутреннего продукта (и еще большую долю чистого внутреннего продукта) России, является очевидной аномалией, ведущей к истощению ресурсов страны, низкому уровню потребления, замедлению накопления капитала. Аномальный характер размеров чистого экспорта в России особенно ярко виден из сопоставления со структурой использования валового внутреннего продукта в других странах, как развитых, так и развивающихся (см. Табл. 4).

Таблица 4. Структура использования ВВП (в процентах) в 2002 году

Страны	Конечное потребление домашних хозяйств	Валовое накопление основного капитала	Чистый экспорт*
Россия	59,3	17,9	10,6
Европейский союз – 15	70,7	19,4	1,8
Европейский союз – 25	70,7	19,5	1,6
США	77,1	17,9	- 4,1
Япония	67,6	24,2	1,3
Канада	68,1	19,9	4,4
Корея	61,4	29,1	1,4
Мексика	76,4	19,3	- 1,9
Турция	71,4	16,6	- 1,5

* Превышение экспорта над импортом (+), превышение импорта над экспортом (-).
 Источник: Международные сопоставления валового внутреннего продукта. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. 2005.

Доля чистого экспорта в валовом внутреннем продукте России в 2002 году (10,6%), которая выглядит явной аномалией на фоне других стран, была самой низкой за весь период после кризиса 1998 года.

Правда, динамика стоимостной структуры ВВП не вполне отражает динамику элементов ВВП в сопоставимых ценах. Стоимостная структура ВВП зависит от соотношения динамики цен товаров, доминирующих во внешнем и внутреннем спросе. Поэтому, как конечное потребление, так и накопление основного капитала в реальном выражении в последние годы растут темпами, опережающими рост ВВП (см. Табл. 5).

Таблица 5. Динамика элементов использования ВВП в реальном выражении, в процентах к предшествующему году

	2002	2003	2004	2005
Валовой внутренний продукт	104,7	107,3	107,2	106,4
Расходы на конечное потребление	106,8	106,2	108,9	108,6
Валовое накопление	100,9	115,6	111,6	111,4
Чистый экспорт	95,9	96,3	89,7	86,6

Источники: Социально-экономическое положение России. 2004 № XII, 2005 № XII

Однако стоимостную структуру использования ВВП, в частности, растущий удельный вес чистого экспорта, нельзя рассматривать как чисто номинальные величины, не отражающие реальной динамики факторов экономического роста. Чем больше чистый экспорт в номинальном выражении, тем больше *мог бы быть* (при существующих мировых ценах) импорт инвестиционных и потребительских товаров *в реальном выражении*. Следовательно, тем выше *могли бы быть* темпы накопления капитала и роста экономики, если бы соответствующая часть ВВП не передавалась остальному миру, либо в форме вывоза капитала, либо в форме накопления валютных резервов, не зависимо от того, хранятся ли они в стране, или депонируются в зарубежных банках.

Как верно отмечают ряд экономистов, валовой внутренний продукт не является исчерпывающим показателем уровня развития общества. «ВВП – весьма грубая аппроксимация величины «общественного счастья», – пишет А. Некипелов. – ...Этот денежный индикатор абсолютно безразличен к своему «физическому наполнению». Одинаковой величине ВВП могут отвечать, например, совершенно разные производственные структуры, модели распределения доходов, позиции страны в мировой экономике. ...Обществу не могут быть безразличны структура ВВП и его распределение»¹.

Даже достигнув объема ВВП 1990 года, страна, по уровню социального и экономического развития, все равно окажется отброшенной назад по сравнению с эпохой, предшествовавшей началу рыночных реформ.

Распределение доходов и уровень жизни населения

В 1990 году оплата труда в СССР (вместе с общественными фондами потребления) составляла 58,3% ВВП (в США – 56,2%). В 2005 году легальная оплата труда в России составляла всего 31,5% ВВП. В США доля оплаты труда за тот же период возросла до 70 процентов.² Кроме того, теневая оплата труда, по оценке Федеральной службы государственной статистики, составляла 11,8% ВВП. Но теневую («скрытую») заработную плату можно, по большей части, рассматривать как доход менеджеров и других высокооплачиваемых работников фирм и банков, уводимый от налогов. По своей экономической природе такая заработная плата ближе к прибыли, чем к оплате труда.

В первом полугодии 2006 года доля оплаты труда в ВВП (включая скрытую оплату труда) составила 45,5% ВВП. Если доля скрытой оплаты осталась на прежнем уровне (11–12%), тогда доля легальной заработной платы выросла до 35–34% ВВП. Можно констатировать определенный прогресс, однако в условиях резкой дифференциации доходов (в том числе и дифференциации оплаты труда) вряд ли можно говорить о качественном повышении уровня жизни большинства населения.

Реформы были начаты и продолжаются при полном игнорировании их социальных последствий. Однако общество – живой организм, нарушения в котором сказываются на всей его жизни и на функционировании всех его органов. Немыслимо, чтобы резкие нарушения в социальной жизни общества могли сопровождаться успешным экономическим развитием. Как пишет Н.М. Римашевская, «Экономические и социальные процессы органически взаимосвязаны, иначе они блокируют друг друга. Более того, социальные императивы, которые фактически не признавались (и пока не признаются) российскими неолибералами, в кризисной ситуации выступают как

¹ А. Некипелов. О стратегических установках и экономической политике федеральных властей. //Российский экономический журнал, 2004, № 5-6, с. 5.

² Ю. Овсиенко. Институциональные барьеры российской модернизации. //Экономика и математические методы, 2005, №2, с. 49.

ограничения «снизу», указывая на то, что их нарушение чревато катастрофическими изменениями в состоянии населения»³. Не смотря на определенный рост *средних* показателей уровня потребления в последние годы, сохраняются основные социальные пороки российского общества: бедность, социальное неравенство и несправедливость, оплата труда ниже предельного уровня, обездоленность престарелого населения. Углубляется кризис здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства. Население России, не смотря на приток мигрантов, сокращается на 1 млн. человек в год.

Согласно официальной статистике число бедных в стране насчитывает 30 млн. человек (20 процентов населения). Однако нужно иметь в виду, что критерием отнесения тех или иных семей к числу бедных является сильно заниженный против реальных минимальных потребностей прожиточный минимум. Потребительская корзина прожиточного минимума, принятая в 2000 году, в полтора раза ниже минимальной потребительской корзины, принятой статистикой в советские времена. По расчетам Римашевской, если при определении бедности использовать потребительскую корзину прожиточного минимума советских времен, тогда число бедных возрастет до 44 млн. человек (33% населения). «Если в качестве границы бедности использовать не прожиточный минимум, который представляет собой масштаб биологического выживания, а минимальные социальные потребности, ...то доля бедных возрастет до 60% населения, составив 90 млн. человек из 144 млн.»⁴.

Особо нужно остановиться на жилищных условиях населения. Меры правительства, направленные на развитие ипотечного кредита (вместо развертывания строительства социального жилья) привели скорее к росту цен на жилье, чем к повышению доступности жилья. Рост цен на жилье вызвал приток в сферу жилищного строительства спекулятивного капитала, который ищет выгодного применения в условиях неустойчивости курсов иностранных валют. Поэтому рост жилищного строительства, наблюдающийся в последние два года, пока не ведет к решению социальной проблемы обеспечения граждан достойным жильем. Он, скорее, связан со спекулятивным бумом на рынке недвижимости. Новое жилье стало еще менее доступным, чем было 2-3 года назад. Рост цен на жилье опережает общий рост цен и рост денежных доходов. Два года назад семьи, способные купить жилье с помощью ипотечного кредита, составляли 10 процентов населения. В настоящее время эта цифра значительно ниже 10 процентов. Миллионы людей живут в строениях, находящихся, согласно официальной оценке, в ветхом и аварийном состоянии. В то же время, ежегодно сносится 3,5 млн. кв. м. жилья, находящегося в исправном состоянии, потому что на освобождаемой земле выгодно осуществлять коммерческую застройку⁵.

На этом фоне нужно рассматривать проводимую правительством социальную политику, основные шаги которой можно представить следующим образом.

1. Была введена плоская шкала налога на доходы физических лиц, что, по словам Некипелова, явилось «мерой, беспрецедентной для цивилизованных стран»⁶. Эта мера означала повышение обложения дохода малообеспеченных граждан с 12 до 13 процентов и, одновременно, резкое снижение обложения доходов богатых и очень богатых слоев. В результате неравенство доходов, очищенных от налогов, если брать в

---

³ Н. М. Римашевская. Некоторые проблемы социального реформирования в России. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 2.

⁴ Н. М. Римашевская, там же, с. 13.

⁵ В.С. Памфилов, А.С. Стуков, А.Г. Шкуратов. Анализ текущего состояния и перспектив развития финансового сектора. //Проблемы прогнозирования, 2005, № 1., с. 23.

⁶ А. Некипелов, там же, с. 6.

среднем 10% наиболее богатых и наиболее бедных граждан, увеличилось до 17 раз. В то же время, надежды на то, что доходы будут выводиться из тени, не оправдались.⁷

2. Непосредственно после президентских выборов были кратно повышены оклады высших чиновников, «обеспечивших» желаемый властью исход выборов.

3. Была сделана попытка замены льгот пенсионеров и инвалидов денежными компенсациями, что по выражению Римашевской, было «красивой формой отмены льгот». В то же время предложение заменить денежной компенсацией льготы высших чиновников, было категорически отвергнуто.

4. Страховые платежи в пенсионный, социальный и обязательный медицинский фонды были заменены «единым социальным налогом». Страхование рисков безработицы было отменено. Другими словами, страховые платежи были заменены налогом на заработную плату – одним из длинного ряда других налогов, которым распоряжается Минфин. Естественное стремление Минфина – сократить расходы, не зависимо от источников их финансирования. «Ресурсы единого социального налога, – пишет Римашевская, – теряют свою социальную направленность, становясь фактически собственностью государства»⁸.

Следующие шаги социального реформирования, намеченные правительством, которые предполагают свертывание бесплатного образования и здравоохранения, отмену дотаций на услуги ЖКХ, также направлены на снижение, а не повышение жизненного уровня малообеспеченных слоев населения, на углубление, а не смягчение социального неравенства. «Настаивая на необходимости проведения новых «непопулярных» реформ, – пишет Р.С. Гринберг, – хорошо бы подумать, как быть с последствиями старых, а именно, с хищнической приватизацией, беспрецедентной имущественной поляризацией, не -легитимностью в общественном мнении крупной частной собственности, криминализацией экономики и без того почти уже разрушенной государственной системой социальной защиты»⁹.

Преодоление социальной поляризации общества и социальной несправедливости распределения многие экономисты и социологи видят на путях снижения доходов богатых и очень богатых слоев и повышения уровня жизни малоимущих с помощью введения прогрессивной шкалы налогообложения. Так, Римашевская предлагает осуществить кратное повышение оплаты труда, с тем, чтобы минимальный заработок не был ниже реального прожиточного минимума с учетом среднего количества неработающих членов семьи, ввести прогрессивную шкалу обложения подоходного налога, заменит единый социальный налог взносами в социальные фонды, которые должны осуществлять как работодатели, так и работники. (Работники смогут осуществлять эти платежи после качественного повышения оплаты труда). Социальные реформы в области оплаты труда должны включать три взаимосвязанные компоненты, пишет Римашевская: «радикальное повышение минимальной и средней оплаты труда на базе изменения прожиточного минимума и «структуры обязательных расходов»; увеличение налогов и обязательных платежей социального страхования, существенное сокращение дифференциации зарплаток»¹⁰. Римашевская предлагает ограничить максимальные заработки, ввести запретительные налоги на чрезмерно высокие заработки (50-60%), с тем, чтобы средняя оплата 10% работников с наиболее высокой и наиболее низкой заработной платой расходилась не более чем в 5 раз.

---

⁷ Н. М. Римашевская, там же, с. 5.

⁸ Н. М. Римашевская., там же, с.5.

⁹ Р.С. Гринберг Россия: экономический успех без развития и демократии? //Экономическое возрождение России, 2005, № 2, с. 13.

¹⁰ Н.М. Римашевская., там же, с. 11.

Как пишут Г.И. Ханин и Н. В. Иванченко, чрезмерные доходы высших менеджеров ложатся чрезмерным бременем на себестоимость продукции. «Мы предлагаем сократить доходы сверх богатых, в среднем, в пять раз, богатых – в два раза, состоятельных – на 30 процентов, повысив в то же время доходы самых бедных. ...Проделанный нами грубый расчет показал, что такое перераспределение доходов позволит превратить российскую экономику из убыточной в прибыльную».¹¹ Само по себе, требование более справедливого распределения дохода является, безусловно, верным, однако нельзя упускать из вида, что одного лишь изменения системы налогообложения или повышения минимальной оплаты труда недостаточно: Решение проблемы требует коренных институциональных преобразований, жесткого вмешательства государства в процесс рыночного ценообразования и государственного контроля над путями и механизмами товародвижения.

Важными факторами усиления социальной поляризации являются теневой оборот, который, по мнению ряда экономистов, связан с занижением реального объема ВВП, и скрытой оплаты труда. По сути дела, теневой оборот представляет собой неучтенный доход высоко обеспеченных слоев населения, тогда как издержки производства неучтенной продукции включаются в издержки продукции, учитываемой налоговыми органами и официальной статистикой. То же самое можно сказать о большей части скрытой заработной платой. По экспертным оценкам, неучтенная продукция составляла в 2001-2002 годах в среднем 15 процентов от объема производства, в том числе, в легкой промышленности – 54 процента. «Если учесть, что затраты на неучтенное производство перекадываются в основном на себестоимость налогооблагаемой продукции, – пишет Стрижкова, – то указанные показатели, очевидно, можно считать «теневым» доходом, созданным в этих отраслях»¹².

В результате снижается рентабельность учтенного производства, сужается финансовая база поступлений в бюджет и воспроизводства капитала на предприятиях. В то же время, неучтенный доход служит питательной средой для коррупции, разъедающий государственный аппарат.

Резкая дифференциация доходов связана также с доминированием посредников на рынках реализуемой продукции, особенно – продукции сельского хозяйства. Посредники присваивают львиную долю дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, так что непосредственные производители не могут в полной мере покрывать текущие и капитальные затраты на производство. Начисленная заработная плата в сельском хозяйстве находится на крайне низком уровне (46% от общероссийского уровня заработной платы), причем она не выплачивается месяцами. Как пишет Я.Н. Дубенецкий, «беспрецедентное, ничем не ограниченное посредничество ... в огромных размерах отвлекает ресурсы из производственной сферы. Например, первичные производители основных сельскохозяйственных продуктов (зерна, мяса, молока и др.) получают всего десятую – пятую часть конечной цены»¹³.

В результате ресурсы расширенного воспроизводства одних секторов экономики (в данном случае – сельского хозяйства) перераспределяются в пользу других секторов, и используются в качестве финансовых источников коррупции и престижного потребления. «Основным механизмом преодоления аграрного кризиса ... должно стать изменение системы распределительных отношений между отраслями и сферами воспроизводства продовольствия. Это обусловлено тем, что реальный финансовый

---

¹¹ Г.И. Ханин, Н.В. Иванченко. Альтернативная оценка стоимости материальных фондов и рентабельности производственной сферы российской экономики в 1998-2000 годах. // Вопросы статистики, 2003, № 2, с.28.

¹² Л. Стрижкова. Структурные изменения промышленности в 1990-2001 годах. // Экономист, 2002, № 7, с.21.

¹³ Я.Н. Дубенецкий. Итоги и перспективы реформирования экономики России. // Проблемы прогнозирования, 2005, № 4, с. 17.

источник развития сельского хозяйства – отрасли переработки и торговли, точнее – теневой доход, созданный в сферах производства и обращения продовольствия», – пишут Г.И. Ханин и Д.А. Фомин¹⁴.

Заметим, что во всех странах с рыночной экономикой – крупных производителей сельскохозяйственной продукции (дореволюционная Россия, США, Канада) организация системы товародвижения и реализации зерна, мяса, технических культур всегда была объектом пристального внимания со стороны государства. Государство могло не вмешиваться в сам процесс производства, но оно брало на себя организацию системы бирж, элеваторов, холодильников, организацию и поддержку кредитной и сбытовой кооперации. В случае необходимости (например, в США в 1930-х – 1940-х годах) государство выступало как крупнейший покупатель сельскохозяйственной продукции и крупнейший кредитор производителей, определяя тем самым как рыночные цены, так и ту их часть, которая достается непосредственным производителям. Важно и то, что государство и кредитная кооперация, в отличие от банков, всегда кредитовали земледельца под залог его продукции, временно не находящей сбыта, но не под залог земли. Уход государства (и опекаемой им кооперации) с рынка сельскохозяйственной продукции и из сферы кредитования неизбежно означает эксплуатацию разрозненного сельскохозяйственного производителя экономически более мощными посредниками. Теневой оборот и хищническое посредничество – не единственные факторы низкого уровня жизни, социальной несправедливости. Единовременное повышение оплаты труда, в котором многие экономисты видят важнейшее условие выхода страны из экономической и социальной депрессии, неизбежно столкнется с низкой рентабельностью тех отраслей экономики, где такое повышение наиболее необходимо. Сложившаяся структура цен и, соответственно, структура распределения между отраслями созданной в экономике добавленной стоимости, коль скоро эта структура сохраняется, делает волевое повышение оплаты труда невозможным.

В экономической литературе неоднократно отмечалось, что структура производства в России за годы реформ претерпела качественные изменения: пришли в упадок обрабатывающие отрасли, особенно – высокотехнологичные производства, снизился их удельный вес в объеме производимой добавленной стоимости. Напротив, продолжало расти производство в добывающих отраслях, соответственно, повышался их удельный вес в совокупной добавленной стоимости. Однако эти утверждения верны лишь отчасти. Структура производства в России действительно изменилась, но в еще большей степени изменилась отраслевая структура цен. Именно изменение отраслевой структуры цен (как внутренних, так и внешних) обеспечила высокую рентабельность добывающих отраслей, и поставила обрабатывающие отрасли на грань выживания.

О том, в какой мере изменилась реальная структура российской промышленности, и в какой мере ценовой фактор воздействовал на перераспределение добавленной стоимости между отраслями, можно судить по данным, сгруппированным в Табл. 6.

Как видно из Табл. 6, доля нефтедобывающей промышленности выросла за счет ценового фактора за 1990-2000 годы в 5 раз. Значительно повысился за счет ценового фактора также удельный вес металлургии, и снизился удельный вес машиностроения. Снижение доли легкой промышленности было связано, как с реальным падением производства, так и с запаздывающим повышением цен.

---

¹⁴ Г.И. Ханин, Д.А. Фомин. Продовольственный комплекс России: альтернативная оценка финансового положения. //Проблемы прогнозирования, 2005, № 3., с. 61.

Таблица 6. Отраслевая структура промышленности (в процентах к итогу)*

Отрасли	1990	2000	
		В сопоставимых ценах	В текущих ценах
Промышленность в целом	100	100	100
Электроэнергетика	3,6	4,8	7,9
Нефтедобывающая	2,2	2,6	12,4
Газовая	1,2	1,8	1,8
Угольная	1,2	1,6	1,1
Черная металлургия	4,9	6,1	7,7
Цветная металлургия	5,3	6,3	8,7
Машиностроение	28,0	22,5	16,4
Легкая	11,0	3,0	1,4
Пищевая	13,6	13,2	12,2

* Таблица 6 составлена на основе материала, представленного в статье Л. Стрижковой Структурные изменения промышленности в 1990-2001 годах. Экономист, 2002, № 7.

В последующие годы цены на первичные ресурсы продолжали расти опережающими темпами, следовательно, продолжался процесс перераспределения добавленной стоимости в пользу сырьевых отраслей. Как пишет Н.Н. Михеева, «в последние годы в России не добывалось существенно больше сырья, чем в условиях плановой экономики, рост выпуска в натуральном выражении имел место только в цветной металлургии. ...Изменение стоимостных пропорций между добывающими и обрабатывающими секторами в пользу первых происходило вследствие изменения цен и относительно большего сокращения производства в обрабатывающих отраслях»¹⁵. Изменения структуры относительных цен за время реформ определялись следующими факторами: Во-первых, монополизмом производителей первичного сырья, разрозненность производителей конечной продукции и особенно – продукции сельского хозяйства. Во-вторых, ограниченностью внутреннего и внешнего рынка для обрабатывающей промышленности, и, практически, отсутствие ограничений спроса (при заданных мировых ценах) на внешних рынках сырья и топлива. В-третьих, высокие мировые цены на энергоносители. В-четвертых, заниженным против паритета покупательной способности валютным курсом рубля, посредством которого происходит перераспределение доходов в пользу экспортеров за счет потребителей импортной продукции.

«В условиях свободного ценообразования – пишут Д.С. Львов и В.Ф. Пугачев – даже частичная монополизация экономики создает чрезвычайно благоприятные условия для роста цен. ...Крайне неблагоприятную роль при этом играют избыточные посреднические и финансовые структуры, криминальные и чиновничьи «крыши». Они не только берут себе немалую долю общественного пирога, но и энергично способствуют монополизации рынка»¹⁶.

Во всех цивилизованных странах важнейшим рычагом преодоления депрессии является увеличение государственных расходов, которые вызывают мультипликативный эффект роста потребительского и инвестиционного спроса и предложения. Однако, как отмечают Львов и Пугачев, именно монополизм и коррупция (а не декларируемая монетаристами зависимость цен от количества денег) могут парализовать позитивный эффект государственных расходов, свести их воздействие на экономику к инфляции. Яркое подтверждение этой мысли, высказанной

¹⁵ Н.Н. Михеева. Ресурсный сектор российской экономики: масштабы межотраслевого взаимодействия. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 2, с.44.

¹⁶ Д.С. Львов, В.Ф. Пугачев. Механизм стабильного экономического роста. //Экономическая наука современной России, 2001, № 4, с. 54.

в 2001 году – спекулятивный бум на рынке жилья в 2005-2006 годах, последовавший за расходами правительства на поддержку ипотечного кредита.

Изменение структуры относительных цен, а не большая или меньшая эффективность производства в разных отраслях, определяет уровень их рентабельности. В частности, как показал в ряде своих работ Д.С. Львов, реальная эффективность нефтегазового комплекса не только не выросла, а значительно снизилась по сравнению с его эффективностью в условиях плановой экономики: численность работников удвоилась при сократившемся выпуске продукции, возросли накладные расходы, разбух управленческий аппарат. Тем не менее, нефтегазовый комплекс аккумулирует в цене своей продукции все возрастающую долю добавленной стоимости, созданной в российской экономике. Заработная плата в России резко дифференцирована по отраслям. Вместе с тем, резко дифференцирована по отраслям доля заработной платы в добавленной стоимости, и соответственно, доля прибыли и уровень рентабельности. Приведем соответствующие данные (см. Табл. 7).

Таблица 7. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и доля заработной платы в добавленной стоимости по отраслям промышленности в 2001-2003 годах*

	2001	2002	2003
Промышленность в целом			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	4 016,0	5 128,6	6 625,5
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	39,86	42,17	41,96
Нефтедобывающая промышленность			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	14271,3	17073,0	20132,7
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	10,27	9,24	8,43
Газовая промышленность			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	15927,1	18490,1	25564,6
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	3,92	4,26	4,50
Черная металлургия			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	4827,8	6055,3	7713,5
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	49,64	46,07	37,46
Цветная металлургия			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	8090,5	9526,5	11448,9
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	32,65	37,80	33,78
Машиностроение			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	3152,9	4240,6	5935,9
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	67,61	73,65	80,36
Легкая промышленность			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	1756,6	2279,8	2912,2
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	64,90	67,07	66,38
Пищевая промышленность			
Среднемесячная заработная плата (руб.)	3384,9	4280,2	5427,1
Доля заработной платы в добавленной стоимости (%)	32,40	33,35	39,05

* Источники: Россия в цифрах, 2004. Система таблиц «затраты – выпуск» за 2003 год. - М. 2006. Таблицы «Затраты – выпуск» за более поздний период еще не опубликованы.

Доля заработной платы в валовой добавленной стоимости в нефтедобывающей и газовой промышленности исчислена с учетом торгово-посреднической наценки, через которую реализуется около половины добавленной стоимости нефтедобывающей промышленности и примерно 80% добавленной стоимости газовой промышленности. По остальным отраслям доля заработной платы в добавленной стоимости приведена в таблице цена в основных ценах, поскольку торгово-посредническая наценка в этих отраслях реально отражает расходы по реализации их продукции. С учетом реализации

части добавленной стоимости в торгово-посреднических наценках, доля заработной платы в добавленной стоимости в нефтедобывающей промышленности составила в 2003 году 8,4%, в газовой промышленности – 4,5%.

Данными о доле заработной платы в добавленной стоимости по отраслям промышленности за более поздний срок мы не располагаем, однако существенных изменений этого показателя в течение 2004-2006 годов, очевидно, не произошло. Косвенным образом о динамике доли заработной платы в добавленной стоимости различных отраслей можно судить по уровню рентабельности продукции различных отраслей промышленности (см. Табл. 8).

Таблица 8. Рентабельность продукции по основным видам деятельности (%)*

	2003	2004	2005
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	18,4	31,8	37,3
Металлургическое производство	23,7	32,2	26,7
Производство машин и оборудования	5,8	7,5	8,5
Текстильное и швейное производство	1,4	2,4	2,4
Производство пищевых продуктов	8,2	7,5	8,7

* Источник: Россия в цифрах. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. М. 2006.

Как видно из Табл. 8, в 2004-2005 годах доля прибыли в цене продукции добывающих отраслей, производящих топливно-энергетические ресурсы, выросла вдвое, в тоже время, в рентабельности обрабатывающих отраслей качественных сдвигов не произошло. Судя по приведенным в таблице данным, концентрация добавленной стоимости в нефтегазовом комплексе в последние годы не только не ослабела, но, напротив, усилилась.

Средняя заработная плата в нефтяной и газовой промышленности, включающая оклады высших менеджеров, нуждается скорее в снижении, чем в повышении. Однако именно в прибыли этих отраслей сосредоточены финансовые ресурсы, которые позволили бы качественно поднять оплату труда в экономике в целом. Напротив, в отраслях с низкой заработной платой возможности ее повышения минимальны, поскольку даже низкая заработная плата, не возмещающая затрат труда, составляет в этих отраслях основную часть добавленной стоимости. Как видно из данных, приведенных в Табл. 7, качественное повышение средней заработной платы в машиностроении и легкой промышленности, без значительного повышения цен, практически невозможно. Но именно в этих отраслях динамика цен во многом определяется узкой емкостью внутреннего рынка и конкуренцией импортных товаров.

Россия не настолько богата природными ресурсами, чтобы обеспечить модернизацию экономики и подъем жизненного уровня за счет доходов от экспорта энергоносителей и металлов, даже при самом разумном и справедливом их распределении. Как пишет В. Милов, «только страны с незначительной численностью населения (до 5 млн. человек) способны конвертировать большой потенциал экспорта углеводородов в относительно высокий уровень ВВП на душу населения. ... Для этого необходимо экспортировать 40-50 т нефтяного эквивалента в год на душу населения. Россия сегодня экспортирует примерно 3 тонны»¹⁷. К этому нужно добавить, что природные богатства России, в частности, запасы нефти, отнюдь не являются неисчерпаемыми. Месторождения, расположенные в доступных и обжитых районах с развитой инфраструктурой, близки к исчерпанию. Освоение месторождений в труднодоступных, северных районах требуют огромных инвестиций, протяженных

¹⁷ В. Милов. Может ли Россия стать энергетической сверхдержавой? // Вопросы экономики, 2006, № 9, с. 22.

транспортных путей, уникальных технологий добычи. Разумным решением была бы консервация части доступных месторождений для будущих поколений, а не их форсированная, хищническая эксплуатация. Но для этого нужна общенациональная политика в области использования природных ресурсов, нужна иная ментальность, если не сырьевых корпораций, то государственной власти.

Качественный рост уровня жизни невозможен без ряда глубоких институциональных преобразований (развития демократических институтов и реальной ответственности власти перед избирателями, преодоления теневого оборота, тотальной коррупции, засилья посредников и т.д.), а также без коренного пересмотра макроэкономической, ценовой, валютной, внешнеэкономической политики. В настоящее время можно констатировать разрушение и деградацию человеческого фактора производства, которое может стать необратимым.

Состояние и обновление производственного аппарата

За десятилетия планового хозяйства был накоплен огромный производственный аппарат, который зачастую нерационально распределялся между предприятиями и объединениями, и, соответственно, нерационально использовался. Реформы 1990-х годов привели к его бездумному разрушению. В результате износа, списания, смены собственников, слияния, поглощения и закрытия предприятий производственные мощности в 1991-1998 годах сократились более чем на треть. Причем ликвидация производственных мощностей была на 70% связана с банкротствами, слиянием и поглощением, а не с износом¹⁸. Сокращение производственных мощностей, хотя и более медленными темпами, продолжалось и в последующие годы. «Овеществленный труд предыдущих поколений вместо преумножения был просто уничтожен», – констатирует Дубенецкий¹⁹. В годы реформ спад производства сопровождался еще более стремительным свертыванием инвестиций в основной капитал. Если производство валового внутреннего продукта в кризисном 1998 году по сравнению с 1991 годом сократилось вдвое, то объем инвестиций упал в пять раз. Производственные мощности промышленности в 1998 году были загружены лишь на 32,6 процента, причем износ оборудования составил 68,4 процента²⁰. Таким образом, можно констатировать, что реальная (остаточная) стоимость основного капитала, функционировавшего в момент предельного обострения кризиса, составляла, примерно, 10% от его полной балансовой стоимости ($0,326 \cdot 0,684 = 0,103$).

В результате разрушения производственного аппарата, производственные мощности, наряду с квалифицированной рабочей силой и дороговизной первичных ресурсов, все в большей мере становятся одним из лимитирующих факторов роста экономики, выхода из затянувшегося кризиса. «Согласно итогам аналитических разработок Института макроэкономических исследований, именно размер, структура и качественное состояние производственного потенциала могут выступить ключевым ограничением народнохозяйственной динамики уже в ближайшей перспективе», – пишут А. Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова²¹.

В 1999 и 2000 году начавшийся рост производства обеспечивался, в основном, введением в эксплуатацию простаивающих мощностей. Лишь в 2001-2002 годах началось значительное обновление основного капитала на новом технологическом уровне, причем это обновление затронуло лишь некоторые сегменты экономики

¹⁸ Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова. Производственные мощности российской промышленности в контексте задач экономического роста. //Российский экономический журнал, 2006, № 2, с. 6-7.

¹⁹ Я.Н. Дубенецкий. Итоги и перспективы реформирования экономики России. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 5, с. 18.

²⁰ В. Лисин. Инвестиционные процессы в российской экономике. //Вопросы экономики, 2004, № 6, с. 14.

²¹ А. Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова, там же, с. 4.

(пищевую промышленность, производство бытовой техники, главным образом – телевизоров и магнитофонов, лесоперерабатывающую промышленность, промышленность строительных материалов). В целом по промышленности, в течение 1999-2002 годов было обновлено 10% производственного аппарата, в том числе – в пищевой промышленности – 20%, в производстве телевизоров – 25, магнитофонов – 38 процентов²². Именно на новом оборудовании в последующие годы стала выпускаться большая часть конкурентоспособной продукции. Новые мощности загружены на 90%, в том числе в машиностроении – на 86%, в топливной промышленности – на 98%. «Поэтому даже при наличии высокого спроса увеличить загрузку этих мощностей фактически невозможно»²³.

В целом по промышленности не произошло качественного улучшения производственного аппарата. Обновление основных фондов носит очаговый характер. Важно отметить, что процесс обновления производственного аппарата в наименьшей степени затронул отрасли машиностроения, в которых обновлено лишь 6-12% оборудования.

Львиная доля новых инвестиций сосредоточена в добывающих отраслях. В 2005 году инвестиции в основной капитал в отраслях, добывающих топливно-энергетические полезные ископаемые, составили 33,3% от общей суммы инвестиций в основной капитал промышленности, тогда как инвестиции в машиностроение – всего 4,9%. (В 2004 году эти цифры составляли 35,7 и 5,9% соответственно). Срок службы оборудования в добывающих отраслях, в связи с необходимостью осваивать новые месторождения, значительно короче, чем в целом по промышленности. Поэтому крупные инвестиции в добывающих отраслях необходимы, прежде всего, для поддержания производства на достигнутом уровне. Инвестиции в добывающие отрасли не ведут к росту и технологическому обновлению производства в экономике в целом. Они в наименьшей степени связаны с инновационной деятельностью.

Низкая рентабельность обрабатывающих отраслей российской промышленности (во многом обусловленная устаревшими технологиями и монопольными ценами и тарифами на первичные ресурсы) препятствует привлечению в эти отрасли как отечественного, так и иностранного капитала. Предприятия и организации, располагающие избыточной прибылью, предпочитают осуществлять инвестиции за границей. Объем зарубежных инвестиций российских организаций приближается к объему внутренних инвестиций.

Общемировой тенденцией современного научно-технического прогресса является значительное повышение затрат капитала на единицу прироста продукции. По расчетам Ханина, Фомина, Иванченко, обновление производственного аппарата российской экономики требует затрат, на порядок превышающих полную балансовую стоимость основных фондов²⁴. Такими средствами не располагает не только обрабатывающая, но и добывающая промышленность. Существующие оценки фондов по балансовой, а не по восстановительной стоимости «серьезно искажают характер процессов, происходящих в последние годы в экономике России, и тем самым, выработку обоснованной экономической политики государства, порождают иллюзии относительно легкого выхода из кризиса»²⁵. Если в себестоимость продукции включать амортизацию, исчисленную не по балансовой, а по восстановительной стоимости (с

---

²² См. В. Лисин В., там же, с. 15.

²³ А. Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова, там же, с.7.

²⁴ Г.И. Ханин, Н.В. Иванченко Альтернативная оценка стоимости материальных фондов и рентабельности производственной сферы российской экономики в 1998-2000 годах. //Вопросы статистики, 2003, № 2, с. 25.

²⁵ Г.И. Ханин, Н.В. Иванченко, там же, с. 28.

учетом тенденций технического прогресса и динамики цен на инвестиционные товары), тогда вся промышленность России станет убыточной²⁶.

Выход из создавшегося положения Ханин, Фомин и Иванченко видят в сокращении сверх высоких доходов высших менеджеров и собственников и ограничении потребления богатых слоев населения²⁷. В случае кратного сокращения сверх доходов, согласно их расчетам, будет достигнута минимальная, реальная рентабельность российской экономики, обеспечены внутренние ресурсы для обновления производственного аппарата на современном технологическом уровне.

Возможно, что расчеты Ханина, Фомина, Иванченко не безукоризненны, а выводы – крайне заострены. Однако непреложным остается тот факт, что именно высокодоходные отрасли, ориентированные на экспорт, не только могут привлекать иностранный капитал и внутренние кредиты, но остро нуждаются в привлечении капитала для освоения новых месторождений и поддержания производства на достигнутом уровне. Именно нефтяные и газовые монополии являются главными заемщиками на международном финансовом рынке, в то время как их прибыль, необходимая для технического перевооружения, инвестируется за границей, используется для финансовых операций и раздутого, показного потребления.

Очевидно, что техническое перевооружение и переход российской промышленности на современный технологический уровень требуют мобилизации всех внутренних ресурсов (включая накопленные резервы), и не могут быть достигнуты в условиях массированного вывоза капитала и бума показного, паразитарного потребления. В то же время, экономия на оплате труда, на социальных расходах, ведущая к разрушению рабочей силы, может лишь воспрепятствовать переходу экономики на новый технологический уровень.

В целом, как пишут А. Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова, «Постдефолтовский экономический рост есть в лучшем случае «рост без развития», в решающей мере обусловленный благоприятной ситуацией на мировых рынках топливных и сырьевых ресурсов. ...Внешне впечатляющие показатели макроэкономики скрывают исключительную слабость внутренних источников роста, диспропорции в развитии ее конкретных отраслей и секторов»²⁸.

Как отмечают многие авторы, качественный прорыв в техническом перевооружении российской промышленности и возрождение высокотехнологичных отраслей и производств невозможны без активной государственной промышленной и технической политики, без массированных государственных капиталовложений.

Сбережения, инвестиции и валютные резервы

В открытой экономике сбережения не обязательно равны инвестициям. Часть внутренних сбережений передается остальному миру в виде вывоза капитала или капитальных трансфертов, часть инвестиций финансируется за счет ввоза капитала и капитальных трансфертов, полученных от остального мира. Кроме того, часть сбережений может оседать в виде официальных валютных резервов. Валютные резервы правительства и Центрального банка, по большей части, хранятся в иностранных банках или инвестируются в ликвидные (иностраные) ценные бумаги, и по своей природе близки к вывозу капитала. Развитие страны в решающей степени зависит от того, как используются внутренние сбережения, в какой мере они трансформируются в инвестиции. Привлечение иностранного капитала может быть полезным на

²⁶ Г.И. Ханин, Д.А. Фомин, Продовольственный комплекс России: альтернативная оценка финансового положения. //Проблемы прогнозирования, 2005, № 3, с. 49.

²⁷ Г.И. Ханин, Н.В. Иванченко Вопросы статистики, 2003, № 2, с. 28.

²⁸ А. Водянов, О. Гаврилова, Т. Маршова. Российский экономический журнал, 2006, № 2, с. 3.

определенной стадии развития, но нельзя забывать о том, что ввоз иностранного капитала неизбежно влечет за собой вывоз прибыли иностранных инвесторов. Если иностранный капитал используется не для инвестиций, а для финансовых операций, вывоз прибыли может превысить реальные инвестиции за счет иностранного капитала.

Именно так обстоит дело в российской экономике в течение всех лет реформ. Привлекаемый иностранный капитал используется для финансовых операций, или непосредственно увеличивает предложение иностранной валюты на внутреннем рынке, не оказывая существенного влияния на инвестиции в реальный основной капитал. Как пишут А.В. Навой и Ю.И. Чистяков, «привлеченный в 2003-2005 годах в Россию иностранный капитал не оказал серьезного влияния на решение основных задач, стоящих перед российской экономикой. Зарубежные инвестиции в значительной степени были абсорбированы оборотом на финансовых рынках, использовались для расширения доли участия нерезидентов в управлении российскими компаниями, а также для других целей. Иностранный капитал пока слабо участвует в создании долгосрочной основы экономического роста на базе модернизации оборудования и технологий»²⁹.

В последние два года правительство декларирует активизацию государственных инвестиций. В бюджете 2006 года были предусмотрены государственные инвестиции в размере 170-180 млрд. руб. или 6 – 6,5 млрд. долларов. Однако по сравнению с накопленными государством резервами, которые в настоящее время приближаются к 300 млрд. долларов, эту цифру можно считать ничтожной. Широковещательные обещания увеличить государственные вложения в экономику на деле можно считать мерами скорее косметическими, чем радикальными. Конъюнктурные доходы от экспорта, изымаемые в бюджет, и иностранная валюта, покупаемая Центральным банком, по-прежнему оседают мертвым грузом в официальных валютных резервах, включая стабилизационный фонд.

Главные аргументы правительственных экономистов, возражающих против использования накопленных ресурсов для модернизации экономики, сводится к ссылке на возможную инфляцию и необходимость заранее застраховаться от риска падения мировых цен на энергоносители. Оба эти аргумента неоднократно были опровергнуты в экономической литературе. По образному выражению О. Готваня, накапливать резервы на случай ухудшения внешнеторговой конъюнктуры, пренебрегая возможностью модернизации экономики – это «ждать бурю в шалаше»³⁰. «Государственный капитал должен работать, – пишет Н.Я. Петраков. – Это и будет гораздо лучшим фондом для будущих поколений, чем деньги на счетах в ЦБ или где-то еще»³¹.

Ссылки на угрозу инфляции и другие идеи, мотивирующие отказ от бюджетных инвестиций – не более чем отговорки, пишет В.В. Ивантер. «Реальная проблема – это активное нежелание нести ответственность за экономическое развитие»³².

Далее, если правительство и Центральный банк полагают, что использование валютных резервов в настоящее время может вызвать инфляцию, то почему такое использование в будущем, в случае падения мировых цен на нефть, не будет вызывать инфляцию? – ставят вопрос экономисты³³. Почему, отказываясь инвестировать средства стабилизационного фонда из-за угрозы инфляции, правительство и

---

²⁹ А.В. Навой, Ю.И. Чистяков Трансграничное движение частного капитала. //Деньги и кредит, 2006, № 11, с. 31.

³⁰ О.Дж. Готвань. Финансирование инвестиций, инфляция, риски и стабилизация. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 6, с. 17.

³¹ Н.Я. Петраков Рынок слеп. //Экономика и жизнь, 2006, № 42.

³² В.В. Ивантер. Актуальные проблемы развития России. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 3, с. 7.

³³ Н.Я. Петраков Экономика и жизнь, 2006, № 42; Готвань О. Дж. Проблемы прогнозирования, 2006, № 6, с. 12.

центральный банк не видят возможных инфляционных последствий массированного ввоза иностранного капитала? «Если мы инвестируем экономику за счет собственных ресурсов, то создаем инфляцию. А когда иностранный капитал приходит, он почему-то инфляцию не создает»³⁴.

Рассматривая источники формирования валютных резервов, нужно различать два, качественно отличных друг от друга процесса. Первый процесс – это изъятие в бюджет части валютной выручки в форме налогов на внешнеэкономическую деятельность.

Другой процесс, обуславливающий наращивание валютных резервов, связан с ввозом иностранного капитала. Ввоз капитала стремительно нарастает за последние годы. Казалось бы, он должен усилить накопление капитала *сверх внутренних сбережений* и вызвать соответствующий этому накоплению импорт. Однако ничего похожего не происходит. Получая кредиты за границей, и привлекая иностранный капитал в других формах, заемщики увеличивают предложение иностранной валюты внутри страны.

В результате, не смотря на изъятие в бюджет конъюнктурных доходов от экспорта, предложение иностранной валюты на внутреннем рынке превышает спрос, связанный с вывозом капитала. Избыток предложения иностранной валюты поглощается ЦБ и Правительством и оседает в валютных резервах. Тем самым спрос правительства замещается спросом частного сектора, спрос за счет внутренних доходов замещается спросом за счет иностранных кредитов. Формально, совокупный спрос не сокращается, но нарастает внешняя задолженность экономики, и, следовательно, расходы по обслуживанию этой задолженности. Выплата доходов иностранным инвесторам составила в 2005 году 4,3 процента ВВП, или одну четверть от валового накопления основного капитала.

Таблица 9. Счет операций с капиталом и резервными активами (млрд. руб.)

	2002	2003	2004	2005	2006 I п/г
<i>Ресурсы</i>					
Валовое сбережение из располагаемого дохода	3169	3805	5454	7107	3707
Сбережения, полученные от остального мира*	338	873	1078	1590	983
Всего ресурсов	3507	4678	6532	8697	4690
<i>Использование</i>					
Валовое накопление	2164	2755	3532	4512	2047
Сбережения, переданные остальному миру**	896	1150	1462	2206	832
Прирост официальных валютных резервов	357	807	1299	1740	1759
Не инвестированные сбережения и статистическое расхождение	90	34	239	239	58

* Ввоз капитала плюс капитальные трансферты, полученные

** Вывоз капитала плюс капитальные трансферты, выплаченные

Публикуемые Федеральной службой государственной статистики Национальные счета России содержат консолидированный «счет операций с капиталом», который, однако, не отражает ввоз и вывоз капитала, и динамику валютных резервов. Мы предлагаем несколько видоизменить «счет операций с капиталом», включив в него ввоз

³⁴ В.В. Ивантер Актуальные проблемы развития России. //Проблемы прогнозирования, 2006, № 3, с. 7.

и вывоз капитала, т.е. передачу остальному миру части внутренних сбережений, и получение дополнительных сбережений от остального мира (см. Табл. 9,10). Тогда сальдирующей статьёй (включающей статистические расхождения) будет не «чистое кредитование остального мира», а прирост валютных резервов. При этом мы пересчитываем показатели, заимствованные из платежного баланса, по среднему за соответствующий год валютному курсу рубля к доллару США.

Как видно из Табл. 10, прирост официальных валютных резервов составлял долю совокупных сбережений, соизмеримую с долей накопления капитала – 37,5 и 43,6% соответственно. Вывоз капитала и прирост валютных резервов в сумме составили более 54% внутренних и привлеченных сбережений. По этим фантастическим цифрам можно судить о мере компетентности и ответственности тех, кто руководит экономической политикой России.

Таблица 10 Структура использования внутренних и привлеченных сбережений (%)

	2002	2003	2004	2005	2006 I п/г
Всего сбережений*	100	100	100	100	100
Валовое накопление	61,7	58	54,1	51,9	43,6
Сбережения, переданные остальному миру**	25,5	24,6	22,4	25,4	17,7
Прирост официальных валютных резервов	10,2	17,2	19,9	20,0	37,5
Не инвестированные сбережения и статистическое расхождение	2,6	- 0,7	3,6	2,7	1,2

* Внутренние сбережения плюс сбережения, полученные от остального мира: ввоз капитала и капитальные трансферты, полученные

** Вывоз капитала плюс капитальные трансферты, выплаченные

Многие авторы, опровергая тезис о риске инфляции в случае использования стабилизационного фонда, приводят следующие аргументы:

(1) Расширение спроса в результате увеличения денежного предложения не обязательно ведет к инфляции: если вслед за повышением спроса, растет производство и предложение товаров, то инфляция не подстегивается, а возможно, снижается.

(2) *Якобы именно поэтому* средства стабилизационного фонда могут быть использованы для инвестиций, модернизации экономики, развития инфраструктуры и социальной сферы.

Действительно, финансирование государственных расходов за счет роста предложения денег не обязательно вызывает инфляцию, а средства стабилизационного фонда (и другие валютные резервы) можно и нужно использовать для инвестиций. Однако между этими положениями (каждое из которых, само по себе, верно) нет причинно-следственной связи. А именно, для расширения внутреннего спроса за счет увеличения денежного предложения нет нужды задействовать стабилизационный фонд и, в целом, валютные резервы. Для этого существуют такие каналы предложения денег, как покупка центральным банком облигаций правительства и кредитование (рефинансирование) центральным банком коммерческих банков. Как пишет Л.Н. Красавина, «необходимо регулирование денежного предложения не только в количественном, но и в качественном аспекте. Главный недостаток его формирования состоит в преобладании валютного компонента эмиссии денег в ущерб кредитному компоненту»³⁵. Это положение подробно обосновывается также в работах М. Ершова, Г. Фетисова и др.

³⁵ Л.Н. Красавина Снижение инфляции в стратегии инновационного развития. //Деньги и кредит, 2006, № 9, с. 16.

Нужно максимально использовать налоговые и рентные платежи для централизации избыточной валютной выручки, минуя механизм монетизации валюты центральным банком. Изъятие в бюджет конъюнктурной экспортной выручки нужно распространить на экспорт газа и других полезных ископаемых. Это высвободит эмиссионный ресурс для расширения внутреннего спроса и финансирования экономического роста, в частности, через расходы бюджета и повышение кредитной активности банков. В то же время, валютная выручка от экспорта, безвозмездно поступившая в бюджет (или, в худшем случае, купленная Центральным банком) может использоваться для финансирования целевого импорта, прежде всего – инвестиционных товаров.

Итак, средства, накопленные в стабилизационном фонде, действительно нельзя или нерационально использовать для расширения внутреннего спроса без риска инфляции, но их можно и нужно использовать для расширения целевого импорта. Это положение было неоднократно высказано и аргументировано в экономической литературе³⁶.

Внешние заимствования частного сектора должны достаточно жестко контролироваться государством. Они должны представлять собой привлечение дополнительных сбережений, используемых для инвестиций. Эти заимствования должны допускаться только для обоснованного импорта инвестиционных товаров, но не для расширения предложения иностранной валюты на внутреннем рынке. Разумеется, должен быть восстановлен контроль и над вывозом капитала. Мнение Международного валютного фонда не должно быть решающим в этом вопросе, жизненно важном для страны. «Ничем, кроме одержимости идеей абстрактного школярского либерализма и лоббистских усилий определенных кругов российского бизнеса, невозможно объяснить поспешную либерализацию валютного режима, не отвечающую ни степени зрелости финансовой системы страны, ни стоящим перед ней стратегическим задачам, – пишет А. Некипелов. – ...Из-за массового притока дешевых иностранных кредитов резко возросла валютная задолженность частного сектора, а значит, и общая задолженность страны, что поставило в повестку дня необходимость принятия защитных мер»³⁷.

На необходимость принятия достаточно жестких мер по регулированию бесконтрольно растущих внешних заимствований корпораций указывает также Л.Н. Красавина. Поскольку основными заемщиками являются монополии, контролируемые государством, такие заимствования, подчеркивает Красавина, могут привести к тому, что часть государственной собственности перейдет в руки иностранных инвесторов, либо же расплачиваться по этим долгам придется за счет средств бюджета³⁸.

В перспективе нужно стремиться к уравновешенному торговому и платежному балансу и такому бюджету, который включал бы умеренный дефицит, соответствующий спросу частного сектора на деньги. Только в этом случае инвестиции будут равны внутренним сбережениям. К сожалению, эти, на наш взгляд, критически важные положения, не получили широкого отражения в периодической научной литературе.

Анализ российской научной периодики последних лет показывает единодушие научного сообщества по коренным вопросам социально-экономической политики, необходимой для возрождения и прогресса страны. Разногласия касаются частных, хотя, возможно, важных вопросов, например, следует ли использовать средства

---

³⁶ Я.Н. Дубенецкий, цит. соч., Проблемы прогнозирования, 2006, № 5, с. 19-20.

³⁷ А. Некипелов, цит. соч. Российский экономический журнал, 2004, № 5-6, с. 9.

³⁸ Л.Н. Красавина Снижение темпа инфляции в стратегии инновационного развития. //Деньги и кредит, 2006, № 9, с. 20.

стабилизационного фонда для расширения внутреннего спроса или для импорта инвестиционных товаров. В то же время, нельзя не видеть, что позиция научного сообщества находится в резком противоречии с проводимой российскими властями социально-экономической политикой. Приходится также констатировать отсутствие диалога между властью и наукой, точнее – глухоту российских властей к научной критике, исследованиям и разработкам российских ученых. Складывается впечатление, что власть не желает или не способна прислушаться к голосу науки, органически не воспринимает научную аргументацию.

«Анализ логики действий правительства за последние годы, – пишет Л. И. Абалкин, – проводимых законодательных актов, которые регулируют экономические процессы, и наметок на будущее, ...показывает, что реально проводится довольно-таки четкая, хотя и не афишируемая линия, весьма опасная для будущего России»³⁹.

Среди многочисленных работ, анализирующих состояние российской экономики, выделяются считанные публикации защитников проводимого экономического курса. Авторы этих официозных публикаций (А. Кудрин, А. Улюкаев, Е. Ясин, В. Мау) не считают нужным (или, вернее, не в состоянии) отвечать на аргументы своих оппонентов. Но так было с самого начала реформ, с 1992 года. Глухота властей к научной критике проводимого экономического курса дорого обошлась стране в 1990-х годах, и, тем не менее, в этом отношении ничего не меняется. Благополучные репортажи о росте ВВП и общего объема потребления и инвестиций, затушевывающие негативные и застойные процессы в реальной экономике, в бюджетной и денежно-кредитной сфере, еще более убеждают власти в ненужности коренного пересмотра проводимой политики.

---

³⁹ Л.И. Абалкинё Взгляд в завтрашний день. //Изд-во Института экономики, 2005, с. 26.